

ТРИ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛИЯ I¹

Когда в 1767 г. молодой, а впоследствии маститый и широко известный архивист Н. Н. Бантыш-Каменский закончил описание 218 древнейших документов Московского архива Коллегии иностранных дел (МАКИД), то выяснилось, что среди них сохранились завещания московских великих князей. Завещания, или душевные грамоты, оказались ценнейшими источниками, на основании которых можно было судить о владениях завещателей, о принадлежавших им богатствах, распределении недвижимого и движимого имущества между их наследниками, юридических правах и обязанностях последних. Такие документы позволяли, в частности, детально проследить территориальный рост скромного, даже по меркам русского Средневековья, Московского княжества и превращение его за два с небольшим столетия в Русское государство — одно из крупнейших в Европе. Одновременно можно было выяснить, как менялись властные прерогативы московских великих князей, в конце концов ставших государями всея Руси, и их младших родственников, все более ограничивавшихся в своих удельных правах и в итоге совсем их лишившихся.

В составе МАКИД до нашего времени дошли завещания всех московских великих князей, начиная с Ивана Калиты и кончая Иваном III. При этом обнаружилось, что потомки первого московского князя Даниила Александровича, занимавшие московский великокняжеский стол, оставили после себя разное количество завещательных распоряжений. Симеон Гордый, Василий II и Иван III написали по 1 завещанию. Иван Калита, его сын Иван и Дмитрий Донской — по 2 завещания. И лишь один Василий I составил 3 завещательные грамоты.

Такой факт уже сам по себе может вызвать исследовательское любопытство, но научный интерес заключается в ином. Дело в том, что по последнему завещанию отца, Дмитрия Донского, Василий I был лишен права передачи своих владений по прямой нисходящей линии, то есть сыну. Они должны были отойти к его брату, старшему из тех, кто родился после Василия. Статья 32 завещания 1389 г. великого князя Дмитрия Ивановича устанавливала: «А по грѣхом отъимет б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Василья, а хто будет подъ тѣм с(ы)нѣ мои, ино тому с(ы)ну моему князь Васильевъ оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моа княгини. А вы, дѣти мои, слушаите свое м(а)т(е)ри, что кому дасть, то тому и есть»². По сути дела, обладание бывшим великим княжеством Владимирским превращалось для будущего великого князя Василия Дмитриевича в прекарное: пользоваться можно было до конца жизни, но стать полным собственником — никогда. Такое решение Дмитрий Донской вынужден был принять в силу объективных обстоятельств. Когда в 1389 г. он составлял свое последнее завещание, ни один из его сыновей не был женат, и, чтобы сохранить целостность разросшегося при нем Московского княжества (в состав которого, в частности, было включено в 1363 г. великое княжество Владимирское, в несколько раз превосходившее по размерам собственно Московское), Дмитрий ввел порядок бокового наследования. Поэтому даже наличие у Василия I только одного завещания заставляло бы историков с большим вниманием обращаться к нему, стараясь ответить на вопрос, почему московский княжеский дом в целом следовал все-таки принципу передачи власти от отца к сыну, а не от брата к брату³.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы XIII–XVII вв.» (направление — «Подготовка к изданию текстов завещаний и договорных грамот русских великих и удельных князей XIV–XVI вв.»).

² ДДГ. № 12. С. 35. Здесь и далее приводимые цитаты из публикаций сверены с подлинниками. Деление текстов грамот на статьи произведено автором данной работы.

³ Крайнее удивление вызывает появившееся недавно утверждение, будто только при Василии I московские великие князья начали передавать принадлежавшие им великокняжеские права своим старшим сыновьям, а до этого в московском княжеском доме наследование шло по боковой линии. «Духовные грамоты великого князя Василия Дмитриевича, — пишет тверской историк С. В. Богданов, — в этом ряде документов (завещаний московских великих князей. — В. К.) занимают особое место. В них впервые в качестве наследника великого стола был назван сын завещателя, а не его брат» [Богданов, с. 3]. Уже много столетий историки считали и считают, что сам Василий I получил великое княжение от своего отца Дмитрия Донского. А во втором десятилетии XXI в. вдруг объявляется, что Василий I приходился братом собственному отцу.

Возможно, для людей XXI в. такой вопрос покажется незначительным и малоинтересным, но в XV столетии он был очень важным и животрепещущим, особенно для властных верхов. Следует напомнить, что уже в самом начале своего правления Василий I присоединил к Москве крупные Муромское и Нижегородское княжества. Эти княжества не фигурировали в последнем завещании Дмитрия Донского, и на них не могло распространяться его требование о передаче после смерти Василия I великокняжеских владений своему другому сыну. Могло быть передано только то, что было завещано Дмитрием Василию. Земельные приобретения (примыслы) самого Василия оставались в его семье, и распоряжаться ими имел право только он один. Выясняется, таким образом, что действия Василия I по присоединению в 1390–1392 г. к Москве Муром⁴ и Нижнего Новгорода были обусловлены теми нормами, которые прописал в своей душевной грамоте 1389 г. Дмитрий Донской.

Эти предварительные замечания, рисующие особое по сравнению со своими предшественниками и потомками положение Василия I на московском великокняжеском столе, позволяют более точно оценить завещательные распоряжения этого князя и определить значение его тестаментов в политическом развитии русских земель в первой четверти XV в., тем более что в двух последних завещаниях Василия I впервые, по сравнению с прежними завещаниями московских великих князей, по-разному обосновывалось право его сына-наследника Василия II на московский великокняжеский стол.

Все три открытые Н. Н. Бантыш-Каменским завещания Василия I являются подлинниками. Первое из них было адресовано единственному наследнику великого князя Василия его сыну Ивану. Последний родился 15 января 1397 г. [Кучкин, 2013, с. 23]. В завещании упоминалась как живая также мать Василия I вдовья великая княгиня Евдокия. Она умерла 7 июня 1407 г.⁵ В то же время не был упомянут митрополит Киприан, имя которого обычно указывалось в агенах различных грамот конца XIV — начала XV в. московских князей. Киприан скончался в ночь с 15 на 16 сентября 1406 г.⁶ Все это было хорошо известно уже русским историкам первой четверти XIX в., которые и правильно датировали первое завещание Василия I: между 16 сентября 1406 и 7 июня 1407 г. [Карамзин, с. 308, примеч. 228].

Сравнительно недавно была сделана попытка сузить такую датировку. А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров предложили отнести составление первого завещания великого князя Василия Дмитриевича к концу февраля — началу июня 1407 г. Такая датировка основывается на допущении авторов, будто в числе гарантов завещания обязательно должен был быть указан брат Василия Константин, а его там нет. А нет потому, что он отсутствовал в Москве, находясь с 15 марта по 20 июня 1407 г. в Пскове [Мазуров, Никандров, с. 233]. Но перечни гарантов княжеских завещаний не зависели от того, находились ли в момент составления великокняжеских душевных грамот такие гаранты в Москве, поблизости или далеко от нее. Что касается Константина, самого младшего из сыновей Дмитрия Донского, то в первом завещании Василия I о нем сказано следующее: «А брата своего и с(ы)на бла(го)словляю, князя Константина, даю ему въ оудѣл Тошню да Оустюжну, по д(у)ш(е)вной грамотѣ отца нашего и великого князя»⁷. Здесь Константин назван «сыном» старшего брата. В княжеских завещаниях и договорных грамотах

⁴ Уже в свой самый первый договор, который Василий I заключил с двоюродным дядей серпуховским князем Владимиром Андреевичем 6–26 января 1390 г., всего через 5 с небольшим месяцев после занятия великокняжеского стола во Владимире, новый великий князь внес статью 22, в которой говорилось: «А найду собѣ Муромъ или Торусу, или инаа мѣста, тотъ ти проторь не надобѣ. А что тобѣ б(ог)ъ дасть иныхъ мѣсть, оприс(ь) Муромъ и Торусы, а тотъ проторь намъ не надобѣ». Такая красноречивая оговорка относительно Муромъ и Торусы свидетельствует о давних и обдуманных планах Василия I расширить собственные владения за счет земель, совершенно не упоминавшихся в завещании 1389 г. его отца.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 154, под 6915 годом ультрамартовским.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ ДДГ. № 20. С. 57.

XIV—XV в., где иерархия князей обозначалась терминами родства (дед, отец, брат старейший, брат, брат младший, брат меньший, сын), термин «сын» определял самого младшего князя, обладавшего наиболее ограниченными княжескими правами. Такие князья в число гарантов не включались. Гарантами могли стать только старшие князья с большими экономическими и юридическими возможностями. Именно этим и следует объяснять отсутствие имени Константина среди гарантов первого завещания Василия Дмитриевича, а не его пребыванием в Пскове. Поэтому предлагаемое коломенскими исследователями уточнение датировки этого завещания не может быть принято.

В связи с вопросом об уточнении времени составления первого завещания Василия I обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, время написания данного завещания совпадало со временем крупной и длительной литовско-московской войны⁸. Собственно говоря, само появление первого завещания Василия I и было вызвано этой войной. Завещание могло быть написано в то время, когда противники противостояли друг другу на р. Плавне, левом притоке Упы, или же после возвращения русских войск с Плавны в Москву, во время военного перемирия с Литвой. Это перемирие было заключено «отъ прьваго дне мѣсяца октября до Съшествия Святаго Духа»⁹. Духов день празднуется в 51-й день после Пасхи. Пасха в 1407 г. приходилась на 27 марта. Следовательно, в указанном году день Сошествия Святого Духа отмечался 16 мая [Черепнин, 1944, табл. XVI]. Перемирие, таким образом, заключалось с 1 октября 1406 по 16 мая 1407 г.

Во-вторых, показательно, что большинство статей рассматриваемого завещания (13 из 22) было посвящено земельным владениям жены Василия I Софьи, дочери литовского великого князя Витовта Кейстутовича, с которым шла война, ее правам на верховный суд в этих владениях, праву удерживать у себя ордынскую дань, если Орде можно будет ее не платить, праву свободно распоряжаться своими земельными примыслами, праву удерживать у себя давних холопов. Земельные владения Софьи были разбросаны на громадных пространствах от Устюга, Курмышы и Нижнего Новгорода до Вологды и Бежецкого Верха, концентрируясь близ Москвы, Ростова, Переяславля, Юрьева, Костромы, Муромы. Иногда завещатель отмечал происхождение владений своей жены, подчеркивая передачу ей поселений, принадлежавших ранее своим ближайшим родственникам: «А ись сель еи матери моеи Малина со всѣми деревнами». Такая заботливость о существовавших и будущих владениях супруги объясняется, по-видимому, тем, что Василий I старался всеми способами добиться расположения своего тестя Витовта и прочного мира с ним. Связывая составление первого завещания Василия I с военными действиями и военными передышками между 16 сентября 1406 и 7 июня 1407 г., учитывая «пролитовский» характер первого завещательного акта московского великого князя, можно отнести время его составления не к отрезку военных противостояний после 16 сентября 1406 г., когда работа над завещанием неминуемо должна была бы проходить в военно-полевых условиях, а к периоду временного перемирия между Москвой и Литвой, когда Василий I вернулся в столицу, то есть к октябрю 1406 — 16 мая 1407 г.

В июле 1417 г. князь Иван, получивший титул «князь великий Нижнего Новгорода»¹⁰, внезапно умер, и наследником Василия I стал другой его сын — Василий, родившийся 10 марта 1415 г. [Кучкин, 2013, с. 23].

Имя Василия и фигурирует в двух остальных тестамах Василия I. Именно эти два завещания были последними в жизни старшего сына Дмитрия Донского, и именно они определяли, как должны были складываться политические и владельческие отношения между

⁸ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 471–472.

⁹ Там же. Стб. 475.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 163.

родственниками Василия I после его смерти. Поэтому рассмотрение и оценка каждого из обоих завещаний требуют тщательности, точности и строгой объективности, основанных на внимательном изучении их содержания.

Тексты второго и третьего завещаний Василия I близки между собой. Обе грамоты в своей диспозитивной части насчитывают по 31 статье. Тематика каждой статьи завещания II (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Разр. 1. № 13) соответствует тематике того же номера статьи завещания III (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Разр. 1. № 15). В принципе идентичны словесная invocatio, arenga, intitulatio и inscriptio обоих документов, а кроме того, тексты статей 1, 5, 6, 16, 20, 24, 26 и 30. За единственными исключениями совпадают списки гарантов (это князья) и послухов (это свидетели-бояре) завещаний. Такие совпадения позволяют утверждать, что два последних завещания Василия I находятся между собой в тесной текстуальной связи, хотя написаны эти документы разными лицами. Грамоту № 13 писал великокняжеский дьяк Тимофей Ачкасов, грамоту № 15 — великокняжеский дьяк Алексей Стромилон.

Оба последних завещания Василия I в конце своих текстов имеют подпись митрополита Фотия на греческом языке (ΦΩΤΙΟΣ) и скреплены княжескими печатями. Грамота № 13 имеет печати великого князя Василия I, литовского великого князя Витовта, братьев великого князя Василия I князей Андрея, Петра и Константина Дмитриевичей. Грамота № 15 имеет только одну печать — литовского великого князя Витовта. Как выяснил С. В. Полехов, печати Витовта на завещаниях Василия I одного типа, изготовлены с применением одной и той же матрицы. Этот тип печатей литовского великого князя вошел в официальное обращение в Литовском государстве в 1420 г. [Полехов, 2015, с. 98]. Следовательно, и второе, и третье завещания Василия I не могли быть составлены ранее 1420 г. Поэтому все заверения и предположения историков о написании второй душевной грамоты в 1417 г. [Черепнин, 1948, с. 90], в 1418 г. [Пресняков, с. 282, примеч. 1] или в 1419—1420 г. [Зимин, с. 293] оказываются ошибочными.

Но какое из двух последних завещаний Василия I было составлено раньше: зафиксированное грамотой № 13 или представленное грамотой № 15? Для этого необходимо по возможности точнее сравнить их тексты и оценить уже не сходства текстов, а их расхождения, что и позволит установить их последовательность.

В историографии вопроса обычно отмечают четыре крупных различия в текстах двух последних завещаний Василия I. В грамоте № 13 в статье 13 Василий I указывал: «А с(ы)на своего, князя Василья, бла(го)словляю своею вотчиною, великимъ княженьемъ, чѣмъ ма бла(го)словиль мои от(е)ць». В грамоте № 15 текст статьи 13 иной, куда менее определенный: «А дасть богъ с(ы)ну моему великое княжение, ино и аз с(ы)на своего бла(го)словляю, князя Василья». В статье 18 грамоты № 13 о главных земельных примыслах Василия I, предназначавшихся его сыну Василию, говорится следующее: «А оже ми дасть богъ Новгородъ Нижнии, и ѧзь и Новымъгородомъ Нижнимъ бла(го)словляю с(ы)на своего, князя Василья, со всѣмъ. А с(ы)на же своего, князя Василья, бла(го)словляю своимъ же примысломъ Муромомъ со всѣмъ, што к нему потагло». В статье 18 грамоты № 15 о будущем самых крупных великокняжеских примыслов сказано гораздо четче: «А с(ы)на своего, князя Василья, благ(о)словляю своими примыслы Новымъгородомъ Нижнимъ со всѣмъ да своимъ же примысломъ бла(го)словляю с(ы)на своего Муромомъ со всѣмъ же». Кроме того, в перечне гарантов завещания в грамоте № 13 назван родной брат Василия I князь Константин Дмитриевич, в грамоте № 15 в перечне гарантов имени этого князя нет. В свою очередь, в грамоте № 15 в перечне бояр-свидетелей, присутствовавших при составлении завещания, на пятом месте назван боярин Михаило Федорович. Это имя отсутствует в грамоте № 13 [Соловьев, с. 375—377; Черепнин, 1948,

с. 90—91; Мазуров, Никандров, с. 235—236]. Существуют работы историков, где приводятся и другие разночтения между грамотами № 13 и № 15, но разночтения эти разрозненные и случайные. Систематического сличения текстов последних двух завещаний Василия I до сих пор не производилось, хотя в некоторых исследованиях призывы к такой работе звучали (ср.: «Историографический обзор свидетельствует о том, что до сего времени системное исследование финальных духовных грамот Василия I не было проведено» [Мазуров, Никандров, с. 235]). Нет только результатов работы. Пробел следует заполнить. Ниже приводятся итоги такого сличения, позволяющие судить о соотношении текстов грамот № 13 и № 15. Поскольку различия между текстами разнохарактерны (от фиксаций реальных изменений до синонимических замен и ликвидации технических погрешностей письма), то вначале приводятся такие сопоставления, которые позволяют сразу судить о соотношении текстов. Далее следуют сопоставления, результат которых не столь очевиден и даже может вызвать неоднозначные оценки. Тем не менее и такой материал необходимо представить для объективности картины. В том случае, если разница между текстами заключается в простой инверсии слов (типа «сыну моему» — «моему сыну»), то такие разночтения не приводятся и не анализируются.

Начать следует с одной из последних статей грамот № 13 и № 15. В статье 29 грамоты № 13 предписывается: «А стада кобыльи моеи княгинѣ с моимъ с(ы)номъ наполю». В статье 29 грамоты № 15 то же распоряжение изменяет права сына и матери, хотя конечный результат остается прежним: «А стада мои кобыльи с(ы)ну моему, князю Василью, с моею княгиною наполю»¹¹. В жизни каждой семьи наблюдаются две фазы развития. Первая фаза характеризуется заботой старших о подрастающем поколении, вторая фаза — опекой подросшим поколением старшего. Именно такую разницу отразили формулировки статьи 29 о разделе кобыльих стад в последних завещаниях Василия I: в одном случае эти стада должна была делить наследница-мать, во втором — повзрослевший наследник-сын. Текст, фиксирующий инициативу княгини-матери при делении кобыльих стад, должен быть признан более ранним. Это текст грамоты № 13.

В статье 25 одни и те же земельные объекты оказываются предназначенными разным наследникам Василия I. В грамоте № 13 в статье 25 декларируется: «А тѣ волости и села княгинѣ моеи до ее живота, а по ее животѣ ино с(ы)ну моему, князю Василью, опроче Гжели да Семѣиньского села, да ее прикупа». Иначе передано это распоряжение завещателя в статье 25 грамоты № 15: «А тѣ волости и села княгинѣ моеи до ее живота, опроче Гжели, да Семѣиньского села, да ее прикупа и примысла, а по ее животѣ ино с(ы)ну моему, князю Василью». Разница в определении будущих владений жены Василия I великой княгини Софьи в статьях 25 грамот № 13 и № 15 достаточно очевидна. В грамоте № 13 вдовая княгиня должна была владеть выделенными ей землями до своей смерти, а после ее смерти все ее земли должны были перейти к сыну Василию II, за исключением волости Гжели, села Семчинского и прикупов княгини. По грамоте № 15 за вдовой Василия I сохранялись земли, завещанные ей ее мужем, за исключением Гжели, Семчинского и ее прикупов, которые, по логике вещей, должны были принадлежать его другому наследнику — сыну Василию. После же смерти матери уже все ее владения отходили к нему. Вопрос сводится к тому, владела ли великая княгиня Софья в период своего вдовства Гжелей, Семчинским и прикупами.

Ответ на поставленный вопрос дает статья 26 грамот № 13 и № 15, текст которой почти идентичен: «А во Гжелѣ да в Семѣинскомъ селѣ, да в своемъ примыслѣ вольна княгини моя, кому хочеть дати, тому дастъ» (грамота № 13) и «А во Гжелѣ да в Семѣинскомъ селѣ, и въ

¹¹ Практика передачи стад малолетним княжичам в московском княжеском доме известна. Так, в своем завещании 1353 г. великий князь Симеон Гордый оставлял своей жене «стадо дѣтино Ивашково». Оставлял жене, потому что их сын Иван умер от морового поветрия. Ему было немногим более 2 лет. См.: [Кучкин, 2013, с. 15].

своемъ примыслѣ волна княгини моя, кому то хочет дати, тому то дасть» (грамота № 15). Оказывается, Гжеля, Семчинское и прикупы жены Василия I рассматривались завещателем как личное достояние супруги, и этим достоянием супруга была вольна распоряжаться так, как ей будет угодно, передавать или завещать любому лицу или коллективному собственнику. Согласно завещанию самой великой княгини Софьи Витовтовны, составленному летом 1451 г., Гжеля, Семчинское и прикупные земли сохранялись в ее руках до конца жизни и завещались ею своему внуку Юрию Васильевичу, будущему князю Дмитровскому¹². Таким образом, устанавливается, что правилен текст статьи 25 грамоты № 13, а текст статьи 25 грамоты № 15 содержит серьезное искажение, вызванное тем, что писец сначала скопировал текст своего оригинала через строчку, но пропуск заметил и опущенный было текст воспроизвел в конце статьи, нарушив ее смысл. Очевидно, что текст грамоты № 13 древнее текста грамоты № 15.

В статье 14 двух последних завещаний Василия I определяются будущие владения великой княгини Софьи в Костроме. Содержание обеих статей одинаково, однако порядок слов в них разный. В грамоте № 13 читается: «А княгинѣ моеи ис Костромы Иледамъ и с Обнорою, и с Комелою, и с Волочкомъ, да Нерехта, и с варницами, и с бортники, и с бобровники, и со Княгининьскимъ селомъ», в грамоте № 15 — «[А] княгинѣ моеи ис Костромы Иледамъ с Комелою и з Волочком, и с О[б]норою, да Нерехта, и с варницами, и со Княгининьским селом, и з бортники, и з бобровники». Наиболее существенная разница между приведенными текстами — в порядке перечисления костромских волостей. Выясняется, что в грамоте № 13 эти волости указываются в строгой географической последовательности — на пути от Костромы к Вологде, начиная с ближайшего к Костроме Иледама, затем расположенной к северу от него Обноры до самой близкой к Вологде Комелы [Любавский, карта]. В грамоте № 15 такой географически точный перечень тех же волостей с юго-востока на северо-запад нарушен. Волость Обнора оказалась не связанной ни с Иледамом, ни с Комелою. Ее местоположение по грамоте № 15 определить гораздо труднее, чем по грамоте № 13. Очевидно, перестановка указания на Обнору в грамоте № 15 произошла из-за ошибки переписчика. А переписывал он грамоту № 13.

Другая разница в статье 14 грамот № 13 и № 15 — отнесение бортников и бобровников в грамоте № 13 к волости Нерехте, а в грамоте № 15 — к селу Княгининскому. Правильно чтение грамоты № 13. Промысловые места сборщиков меда (бортников) и охотников на бобров организовывались на значительных территориях. Такими территориями обладала волость, а не отдельное село.

Сравнение других статей грамоты № 13 со статьями грамоты № 15 в принципе дает те же результаты, но примеры касаются теперь разного словесного оформления одних и тех же завещательных распоряжений Василия I, перестановок элементов в оборотах, синонимических замен, изменения текста под влиянием допущенной описки. Так, статья 11 грамоты № 13 содержит следующий текст: «Да свои же примыслѣ даю ей на Бѣлѣозерѣ слободка, што была княжа Васил(ь)ева Семеновича, да на Вологдѣ Оухтюшка, да Брюховская слободка, да Федоровские села Свибловы, да свои примыслѣ и прикупъ на Вологдѣ и на Тошнѣ. А што ее прикупъ и примыслѣ, а то ее и есть». Та же самая 11 статья в грамоте № 15 сформулирована по-другому: «Да на Бѣлѣозерѣ слободка, што была княжа Васильева Семеновича, да на Вологдѣ Оуктюшка, да Брюховская слободка, да Федоровские села Свибловы, да свои прикуп на Вологдѣ и на Тошнѣ. А что ее прикуп и примыслѣ, а то ее и есть». В грамоте № 13 статья 11 подробнее, чем в грамоте № 15. В ней отмечено, что слободка на Белоозере Василия Семеновича, одного из нижегородских князей, завещавшаяся жене Василия I Софье Витовтовне, была примыслом самого московского великого князя. Тем самым объясняется, как эта слободка попадала к Софье. В грамоте № 15

¹² ДДГ. С. 176.

такого объяснения нет. В обороте грамоты № 13 есть сказуемое и дополнение («даю ей»), чего нет в статье 11 грамоты № 15. Если предполагать, что грамота № 13 списывалась с грамоты № 15, то невозможно объяснить, каким образом и с какой целью в позднем документе появились более точные исторические подробности, пояснения и сказуемое с дополнением, чего не было в документе предшествовавшем. Как правило, позднейшая обработка письменных источников приводит к удалению мелких частных, важных только для современников событий. Очевидно, что и данный случай свидетельствует о написании грамоты № 13 ранее грамоты № 15.

Такой же пропуск сказуемого обнаруживается и в статье 12 грамоты № 15. В грамоте № 13 в статье 12 говорится, что «да на Оустюзѣ даю ей (своей жене Софье. — В. К.) Федоровские деревни Свибловы, да Ивановские Головина, да Тутолминские, што прикупил мои поселский Григореи Горбищевъ, што мои примысль». В статье 12 грамоты № 15 текст сокращен и упрощен: «Да на Оустюзѣ Федоров[с]кие же деревни Свибловы да Головинские деревни мои примысль». Здесь снова нет сказуемого и ничего не говорится о Тутолминских деревнях и поселском Григории Горбищеве. Между тем в грамоте № 13 фиксируется 7 случаев употребления сказуемого «даю» по отношению к княгине — в статьях 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12. В грамоте № 15 таких случаев 5 — в статьях 6, 7, 8, 9, 10. Нет сказуемого «даю» только в статьях 11 и 12, о которых говорилось выше. Очевидно, что грамота № 15 основывалась на грамоте № 13, но при копировании статей 11 и 12 сказуемые были опущены, как и некоторые исторические детали, вероятно, уже устаревшие.

В статье 15 после слов «да Доброе село» (в Переяславле) только в грамоте № 15 читается заключительная фраза «А что ее [п]рикупъ и примысль, а то ее и есть». Наличие такой фразы в грамоте № 15 может вызвать подозрение, что текст ее статьи 15 первоначален, поскольку более подробен. Но если так, то зачем же в грамоте № 13 надо было его опускать, ведь в других статьях и грамоты № 13, и грамоты № 15 прикупу и примыслы великой княгини Софьи в разных частях владений Василия I постоянно отмечались, а в отдельных случаях даже подчеркивались?¹³ Ответ может быть только один: процитированное окончание статьи 15 грамоты № 15 является позднейшим дополнением в текст, сделанным составителем этого завещания¹³. Такое дополнение может свидетельствовать о том, что грамота № 15 составлялась специально для ее утверждения литовским великим князем Витовтом, поскольку в этом завещании расширились права на земли его дочери Софьи.

Статья 22 грамоты № 13 содержит два распоряжения завещателя: «А перемѣнит богъ Орду, и княгини моя емлетъ себѣ ту дань, а с(ы)ну моему, князю Василью, не вступатиса». Запрет, налагаемый на сына-наследника, выражен тут безличным предложением. В статье 22 грамоты № 15 текст несколько иной: «А перемѣнить богъ Орду, и княгини моя емлет ту дань собѣ, а с(ы)нъ мои, князь Василеи, не вступаетса». Запрет сыну вмешиваться в финансовые дела матери здесь выражен личным предложением. Выясняется, что в грамоте № 13 есть еще одна статья — 24, где запрет сыну выражен в форме безличного предложения. В грамоте № 15 в статье 24 также читается безличное предложение. Приведенные одно текстовое несходство и три сходства позволяют утверждать, что текст статьи 22 грамоты № 15 содержит модальное поновление. Первоначально в статьях 22 и 24 читались безличные предложения. Из этого следует, что текст грамоты № 13 более ранний, чем грамоты № 15.

В статье 4 грамот № 13 и № 15 в одном из оборотов изменены места элементов. В статье 4 грамоты № 13 фиксируется, что наследнику Василия I его сыну Василию отходит «лугъ Великий оу города оу Москвы за рѣкою». В статье 4 грамоты № 15 тот же оборот изложен несколько иначе: «лугъ Великий за рѣкою оу города оу Москвы». В первом завещании

¹³ Ср. текст статьи 25 в грамоте № 15, где читается «прикупа и примысла» вместо «прикупа» в грамоте № 13.

Василия I об этом луге сказано так: «лугъ Великийи противу города за рѣкою». Окончание оборота в древнейшем завещании Василия I (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Разр. 1. № 9) совпадает с окончанием этого оборота в грамоте № 13, что свидетельствует о большей близости данного завещания к первоначальному тестаменту, чем грамоты № 15.

Следует отметить два случая лексических замен. В статье 3 грамоты № 13 говорится: «А бла(го)словлаю своего с(ы)на, княза Василья, своею вотчиною, чѣмъ ма бла(го)словил от(е)ць мой, третью Москвы и с путми, своими жеребьи». В статье 3 грамоты № 15 тот же оборот передан с небольшим изменением: «А бла(го)словлаю своего с(ы)на, княза Василья, своею вотчиною, чѣмъ ма бла(го)словил от(е)ць мой, третью Москвы и с путми, с моими жеребьи». Однако отец Василия I Дмитрий Донской мог благословлять старшего сына именно «своими жеребьи», а не «моими жеребьи». Такая неточность в грамоте № 15 указывает на то, что ее текст содержит малоудачную и более позднюю лексическую замену.

В статье 28 грамот № 13 и № 15 среди ценных предметов, завещавшихся Василием I своему сыну Василию, упомянут дорогой подарочный сосуд. В грамоте № 13 он характеризуется как «каменное судно болшее, што ми от великого княза от Витовта привезль князь Семень». В грамоте № 15 характеристика подарка несколько изменена: «каменое судно велико, что ми от велико[го к]наза от Витовта привезль князь Семен». Имеет место лексическая замена: «болшее» заменено на «велико». Слово «велико» в русском языке более значимый эпитет, чем эпитет «большее». Видимо, московский великий князь хотел лишний раз продемонстрировать своему тестю, насколько высоко он ценит его подарок и признателен ему за подношение великокняжеской семье своей дочери Софьи. Выше говорилось, что, судя по тексту статьи 15 грамоты № 15, эта грамота готовилась специально для отсылки ее литовскому великому князю Витовту. Возможно, лексическая замена в статье 28 грамоты № 15 говорит о том же.

В статье 21 грамоты № 15 нужно указать на явную опisku: «дань по рочту», тогда как в той же 21-й статье грамоты № 13 правильно читается «дань по розочту», то есть по расчету. Описка — вторичного происхождения, и она свидетельствует о первичности текста грамоты № 13.

Наконец, в статье 23 грамоты № 15 обнаруживается изменение текста, вызванное ошибкой письма, сделанной в статье 23 грамоты № 13. В последней была допущена описка: «А волостели свои и тиоуни, и доводъщики судить кнаги моа сама». В слове «кнагини» были пропущены две последние буквы. Этот текст изменен в статье 23 грамоты № 15: «А волостели свои и тиоуни, и доводшики судит сама». По контексту завещания можно понять, что в статье 23 грамоты № 15 речь идет о праве княгини судить своих должностных лиц. Но прямого указания на княгиню в этой статье нет, что делает текст статьи 23 грамоты № 15 менее четким. Сравнение со статьей 23 грамоты № 13 обнаруживает, что в статье 23 грамоты № 15 опущено как раз то место, где в тексте грамоты № 13 была описка. Судя по всему, именно существующая описка в этой грамоте стала причиной устранения чтения «кнагимоа» в грамоте № 15.

Следует также отметить разночтение в статье 8 двух последних завещаний Василия I: московские приобретения в Бежецком Верху в грамоте № 13 характеризуются как «прадѣда своего примысль», а в грамоте № 15 как «дѣда своего примысль». О происхождении второго из этих разночтений речь пойдет ниже, после анализа текста грамоты № 16.

Таким образом, отличия разного рода, фиксируемые в статьях 3, 4, 11, 12, 14, 15, 21, 22, 23, 25, 28 и 29 грамот № 13 и № 15, ясно указывают на то, что грамота № 13 была написана раньше грамоты № 15.

Однако грамота № 13 не была непосредственным источником грамоты № 15. Под № 16 в Дрeвлехранилище РГАДА хранится еще один список завещания Василия I. В августе 1924 г. сотрудник Архива И. А. Голубцов, принимая на хранение документы Дрeвлехранилища, на копии

грамоты № 16, сделанной Н. Н. Бантыш-Каменским, записал: «Грамота склеена в совершенном беспорядке: сначала дано продолжение конца». Указание на механическую перестановку текста в грамоте заставляет дать ее палеографическое описание, чтобы затем можно было точнее оценить сохранившееся содержание документа.

Завещание написано на листе бумаги размером 294 на 579 мм. Возможно, лист склеен из двух бумажных частей, но это может выясниться после реставрации грамоты. Текст на лицевой стороне этого листа занимает более 74 полных или почти полных строк (считая по их началу с левого края грамоты; в счет не входят мелкие фрагменты строк и строки, текст которых почти не виден из-за сильной деформации бумаги, иногда складывавшейся по горизонтали в мелкую гармошку при наклейке документа на укрепляющую бумагу) и не менее 10 строк на его обороте. В XVIII в. грамота была реставрирована. К ее верхней и нижней частям на обороте была подклеена укрепляющая бумага. Середина грамоты не подклеивалась, поскольку содержала текст как на лицевой, так и на оборотной сторонах бумажного листа. Но позднее, вероятно, в 60-е годы XX в., грамота была укреплена полосками бумаги разного размера, которые закрыли часть текста на обороте грамоты. Низ листа явно подрезан. Данное обстоятельство дало в свое время Б. М. Клоссу основание утверждать, что с грамоты были срезаны княжеские печати. Исходя из этого, было объявлено, будто грамота № 16 является подлинником еще одного завещания Василия I [Клосс, с. 118, 119]. Срез внизу грамоты действительно имеется, но он приходится не на поле документа, где привешивались печати, а на его текстовую часть. Начальные слова последней строки на лицевой стороне документа читаются: «сынъ мои да моа кнагини опишут», причем одни фрагменты заключительных букв «ут» остались в последней строке текста на лицевой стороне грамоты, а другие фрагменты этих двух букв видны в первой строке грамоты после переклейки текста. Сам процитированный текст относится к 21 статье завещания. Его продолжение обнаруживается в строке 1 грамоты: «да положить на них дань по людемъ». Далее текст читается без существенных пропусков до строки 21 включительно. Ниже этой строки с правой стороны сохранился фрагмент бумаги с остатками трех строк текста. Первая из указанных трех строк кончается буквами «рисвоемжи», вторая — «патисе», третья — «ываю». Выясняется, что сохранившиеся тексты на конце первых двух строк относятся к статье 31 завещания (жирным шрифтом здесь и далее выделен сохранившийся текст): «подавал есмь своеи кнагинѣ **при своем животѣ**» и «А дастъ моа кнагини дочерем моим из моихъ холопов по **пяти семеи**». Но буквы «ываю» в конце третьей строки обнаруживаются не в заключительной 31 статье завещания, а в следующем за этой статьёй перечне гарантов завещания: «А приказываю с(ы)на своего, кназа Васильа...».

Действительное же начало грамоты идет со строки 22: «трополита Киевского и всиа Руси, се аз, грѣшныи худши раб б[ожеи Васи]леи, при своемъ здоровьѣ, пишу грамоту душевную». Все приведенные данные свидетельствуют о том, что были срезаны не печати, а срезана нижняя часть грамоты с текстом более чем в 21 строку и по ошибке эта часть переставлена в начало документа.

Тем не менее последний сохранился в приемлемом виде. В грамоте № 16 отсутствует самое начало завещания, из-за механических повреждений есть утраты отдельных букв и некоторых слов в *incipit* документа, статьях 1, 3, 4, 8, 9, 12, 15, 21, 25, 29, 30, большие утраты имеет статья 31, частично заклеено окончание завещания на обороте листа с перечнями князей-гарантов и бояр-послухов. Однако статьи 2, 5, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 26, 27, 28 завещания сохранились полностью. Все они уместились на лицевой стороне грамоты № 16. На ее оборотной стороне на уровне 22 строки лицевой части, то есть в самой верхней части документа, когда он был еще неповрежденным, написаны перечни гарантов и послухов, указание на писца грамоты — дьяка Алексея Строилова, а также следующая приписка: «[С]е список с тое грамоты,

что пошла к великому князю к Витовту с Олексѣем в [л]ѣто 30 первое, з середохрестѣа». Кроме того, на обороте грамоты в ее конце, когда документ был цел, перпендикулярно ее тексту сделана запись сходным почерком XV в. более светлыми чернилами: «Список з грамоты, чт[о] поимал Олексѣи з собою в Литву, коли с митрополитом поѣхал с Фотѣем на середохрестѣе». Это помета архивиста — современника событий, поскольку он знал, что душевная грамота Василия I была отправлена к Витовту с Алексеем Стромилковым, выехавшим в Литву одновременно с митрополитом Фотием. Имеется польский источник, подтверждающий пребывание Фотия в Литве и Польше в конце лета 1423 г.¹⁴

Текст грамоты № 16 совпадает с текстом грамоты № 15. Здесь та же формулировка статей 13 и 18, что и в грамоте № 15, среди гарантов завещания нет имени князя Константина Дмитриевича¹⁵, зато среди бояр-свидетелей читается имя Михаила Федоровича. Все отмеченные выше чтения грамоты № 15 в статьях 3, 4, 11, 12, 14, 15, 21, 22, 23, 25, 28, 29, отличающиеся от чтений в грамоте № 13, есть и в грамоте № 16.

В то же время наблюдаются и весьма примечательные отличия. Перечень таких отличий может быть представлен в виде таблицы, где в левом столбце приведены чтения грамоты № 13 (завещания II), в среднем — параллельные чтения грамоты № 16, а в правом столбце — такие же чтения грамоты № 15 (завещания III).

село Островское и с Орининскимъ	Статья 4 село Островское и с Орининскимъ	село Островское с Орининскимъ
новой дворъ за городомъ	новой дворъ за городомъ	за городом новой дворъ
въ Юрьевѣ же село Фроловское	Статья 10 въ Юрьевѣ же село Фроловское	въ Юрьевѣ село Фроловское
своимъ же примысломъ Муромомъ	Статья 18 своим же примыслом Муромом	своим же примыслом бла(го)словлаю с(ы)на своего Муромом
подавалъ села	Статья 19 подавал села	подавал село

Из приведенных сравнений делается ясным, что в целом ряде случаев текст грамоты № 16, отличаясь от текста грамоты № 15, повторяет чтения грамоты № 13. Хотя такие чтения немногочисленны и по смыслу малосущественны, их наличие оказывается весьма важным в текстологическом отношении. Они указывают на то, что грамота № 16 занимает промежуточное положение между грамотами № 13 и № 15. А поскольку грамота № 16 содержит основные редакционные особенности грамоты № 15, становится очевидным, что грамота № 16 является черновиком грамоты № 15. Расположение на письме некоторых слов и предложений в грамоте № 16 объясняет появление ряда ошибок в грамоте № 15.

¹⁴ Podwody kazimierskie 1407–1432 / Wyd. St. Krzyżanowski // Archiwum Komisji Historycznej. Kraków, 1909–1913. Т. 11. Р. 424. Выражаю благодарность С. В. Полехову за указание на этот источник.

¹⁵ Окончание списка гарантов в грамоте № 16 помещается на трех строках: «как са имет | печаловати, и свои братьѣ молодежи, князю Ондрѣю Дмитриевич(ю) и князю Петру | Дмитриевич(ю), и князю Семену Володимирович(ю), и князю Арославу Володи|мерович(ю), и их братьѣ по их док(о)нчанью, как ми ркли». Заклеенные места списка восстановлены по грамоте № 15. Текст первой приведенной строки грамоты № 16 («печаловати... Петру») состоит из 63 строчных знаков, текст следующей строки — из 57 таких знаков, что близко числу 63. Если после слов «Петру | Дмитриевич(ю)» здесь читалось бы «князю Ко[с]тантину Дмитриевич(ю)», как в грамоте № 13, то строка с 53 знаками грамоты № 16 должна была бы иметь 77 знаков, что значительно превышает размер строки. Очевидно, что князь Константин Дмитриевич в грамоте № 16 не упоминался.

В статье 1 грамоты № 15 допущена описка. В конце статьи читается «своеи кна|кнагинѣ». В грамоте № 16 в той же статье написано «своеи |кнагинѣ». Очевидно, что писец грамоты № 15, написав буквы «кна» и закончив строку, сделал какой-то перерыв перед написанием следующей строки, а вернувшись к работе, начал ее с той строки грамоты № 16, где первым стояло слово «кнагинѣ», не обратив внимания на то, что он уже переписал часть этого слова, закончив ею свою предыдущую строку.

Выше было отмечено, что в статье 8 грамоты № 13 читаются слова «прадѣда своего |примысль». Именно на границе двух строк писцы средневековых грамот совершали разного рода изменения переписываемого текста, сознательно редактируя его, вводя в текст новые слова, делая их перестановки, а иногда машинально копируя текст под собственный внутренний диктант, допуская пропуски и описки. В грамоте № 15 в тексте «дѣда своего при|мысль» рассматриваемой статьи 8 слово «дѣда» стоит близко к концу строки, но не на самой границе строк. В грамоте же № 16 слова « |дѣда своего примысль» расположены в начале строки, слово «дѣда» оказывается пограничным. И здесь при переписывании текста происходит сбой. Писец начинает новую строку со значимого корня слова «прадѣда» (грамота № 13) и забывает о приставке «пра». Его описка переходит в грамоту № 15.

Впрочем, некоторые погрешности текста грамоты № 16 в грамоте № 15 были исправлены. Так, в статье 7 в грамоте № 16 было написано «село Иваноивановское». В грамоте № 15 повтор был удален. Там читается «село Ивановское», как и в грамоте № 13.

Обнаружение черновика третьего завещания Василия Дмитриевича (грамота № 16) при наличии беловика этого завещания (грамота № 15) помогает гораздо яснее представлять, как шла работа по составлению завещаний московских великих князей, как оформлялся подготовительный материал и какой вид принимал материал итоговый. Наличие черновика не позволяет оценивать грамоту № 15 как «неутвержденный проект его (Василия I. — В. К.) завещания» [Полюхов, с. 98], то есть считать завещание III документом неофициальным. Делается очевидным, что таким неофициальным документом может считаться грамота № 16, а грамота № 15 является вполне официальным актом, скрепленным подписью митрополита Фотия и печатью литовского великого князя Витовта.

Проанализированный материал позволяет установить относительную хронологическую последовательность двух последних завещаний Василия I, представленных тремя списками. Старшим из этих списков является грамота № 13 (завещание II). За нею следует грамота № 16 — черновик завещания III, в котором был переработан текст грамоты № 13. Последней в этом ряду является грамота № 15 (завещание III) — беловик грамоты № 16¹⁶. Таким образом, последовательность публикаций всех трех завещаний Василия I (грамота № 9 — завещание I, грамота № 13 — завещание II, грамота № 15 — завещание III) в различных русских изданиях XVIII—XX в. оказывается вполне корректной¹⁷.

Соответствует ли такая последовательность завещаний великого князя Василия I реальной принадлежности указанных в этих завещаниях владений этому князю в конце его жизни? На

¹⁶ Б. М. Клосс считал, что грамота № 15 является самой ранней из трех последних завещательных грамот Василия Дмитриевича. Грамота № 16 возникла несколько позднее. Грамота же № 13 сохранила текст самого позднего завещания Василия I, причем «датироваться грамота должна временем между 1423 и 1425 гг.». См.: [Клосс, с. 119]. К сожалению, Б. М. Клосс не сумел полностью прочитать ни одного из трех изучавшихся им текстов грамот, тем более — сравнить их между собой.

¹⁷ Такая последовательность была установлена первым классификатором древнейших грамот МАКИД Н. Н. Бантыш-Каменским, правда, не сразу. В своем черновом описании этих грамот II и III завещания Василия I он описал совершенно одинаково и совершенно одинаково датировал. Но затем в описании завещания II он вставил слово «первое», а в описании завещания III — слово «второе». Вставки, видимо, были сделаны после того, как Н. Н. Бантыш-Каменский ознакомился с завещанием вдовой великой княгини Софьи Витовтовны, текст которого помог окончательно решить вопрос, кто владел Гжелей, Семчинским и прикупами Софьи (статья 25 завещаний II и III). См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 426. Л. 13 об.—14.

этот вопрос можно ответить, рассматривая ситуацию в Нижегородском княжестве, которое, согласно статье 18 грамоты № 15, переходило наследнику Василия I Василию II, то есть целиком принадлежало завещателю. В исследованиях конца XX — начала XXI в. все громче звучит утверждение, будто в последние годы жизни Василий I Нижегородским княжеством не владел. Таково итоговое заключение А. А. Горского, написавшего специальное исследование о владельческих судьбах Нижегородского княжества в конце XIV — первой половине XV в. [Горский, 2004]. Основанием такого утверждения послужила ссылка XVIII в. на запись в древней рукописи. Последняя была написана «в лето 6932 месяца генваря при благоверном князе Даниле Борисовиче, при освященном митрополите Фотии Киевском и всея Руси Иосифу архимандриту Печерскому рукою многогрешного Захара». В свое время обративший внимание на эту запись Д. И. Иванов датировал ее январем 1425 г., но допускал, что она может относиться и к 1424 г., если 6932 год — сентябрьский, а потому твердо заключал: «По крайней мере, в этом году Даниил Борисович княжил в Нижнем Новгороде» [Иванов, с. 89–90]. Княжил ли Даниил Борисович как самостоятельный князь-суверен или как подручник другого князя, Д. И. Иванов выяснять не стал¹⁸. Заключение Д. И. Иванова показались вполне убедительными А. А. Горскому, который пошел дальше своего предшественника. Утверждая, что 6932 год записи явно сентябрьский, он посчитал, что Даниил Борисович княжил в Нижнем Новгороде как самостоятельный князь с 1423 и до марта 1428 г. [Горский, 2004, с. 169], то есть перед своей кончиной Василий I Нижний Новгород потерял.

Однако утверждение Д. И. Иванова о княжении в 6932 г. Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде основывается только на том, что написанный многогрешным Захаром текст предназначался настоятелю Печерского монастыря, а этот монастырь находился в Нижнем Новгороде. Место княжения Даниила было определено Д. И. Ивановым по положению адресата, а не по положению адресанта, который, надо полагать, находился там же, где и князь Даниил Борисович. Последний же, судя по упоминанию в записи митрополита Фотия, мог пребывать где угодно в пределах обширной митрополии Киевской и всея Руси, от восточной Нижегородской епархии до западных епархий на землях Литовского государства. Недаром в записи 6932 г. отсутствует определение князя Даниила Борисовича по принадлежавшей ему или по управляемой им территории. При этом надо иметь в виду, что мысль о самостоятельном правлении Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде может базироваться только на факте захвата этого города нижегородским князем. Если бы захват Даниилом Борисовичем Нижнего Новгорода — центра главного промысла великого князя Василия I — действительно имел место, то он не мог быть осуществлен без военной поддержки извне, прежде всего Орды. Однако ни о каких нападениях татар на Нижний Новгород в середине 20-х годов XV в. ни ордынские, ни русские, ни литовские, ни немецкие источники не сообщают. А. А. Горский констатировал, правда, в другой работе, что «последний период правления Василия Дмитриевича не был отмечен яркими политическими событиями в московско-ордынских отношениях...» [Горский, 2016, с. 135]. Взятие же и удержание за собой князем Даниилом Борисовичем одного из крупнейших русских городов XV в. — Нижнего Новгорода — было бы событием исключительным и запоминающимся. Летописи отмечают куда более частные случаи временных захватов нижегородских и близких

¹⁸ В связи с вопросом о характере правления Даниила Борисовича в бывшем Нижегородском княжестве большой интерес представляет текст жалованной данной, тарханной и несудимой грамоты 1444 г. вдовы князя Даниила Борисовича монахини Марины суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на село Омучкое близ г. Суздаля. Начальный протокол грамоты имеет следующий вид: «Доложа своег(о) г(о)с(поди)на великог(о) кн(а)за Васил(ь)а Васил(ь)евич(а) и по приказу своег(о) г(осподи)на кн(а)за Данила Борисович(а), се гдз, кн(а)г(и)ни М(а)риа, нареченна въ мнииском чинѹ Марина, дала есми в дѹм с(ва)томѹ Сп(а)сѹ...» (см.: АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 444. С. 485). Из грамоты следует, что князь Даниил Борисович кончил свою жизнь в бывшем Нижегородском княжестве, но не суверенным правителем, а князем, находившимся под юрисдикцией московского великого князя.

им земель бывшими нижегородскими князьями, но совершенно молчат о захвате Нижнего в 1424 или в 1425 г.

Кстати говоря, если определять дату предполагаемого взятия Нижнего Новгорода на основании приведенной выше записи Захара, то она должна относиться к январю 1425, а не к январю 1424 г. В 20-е годы XV в. на Руси продолжали придерживаться мартовского летосчисления, а не сентябрьского, к чему склонялся Д. И. Иванов и на чем настаивал А. А. Горский. Сентябрьское летосчисление распространяется в русских землях лишь с конца 30-х годов XV в.¹⁹ Но если Нижний Новгород переходит из рук Василия I в руки Даниила Борисовича в январе 1425 г., должны быть сняты все утверждения, будто завещание II является последним завещанием Василия I. За месяц до смерти (27 февраля 1425 г.) Василий I уже не успевал составить новую душевную грамоту, где фиксировалась бы потеря им Нижнего Новгорода, отправить ее для подтверждения Витовту и получить обратно.

Признавая факт владения князем Даниилом Борисовичем в 1424 или во второй половине 1423–1424 г. Нижним Новгородом историографическим мифом, обратимся к источникам, рисующим реальные проявления княжеской власти в нижегородских землях в указанное время. Сохранилась жалованная грамота Василия I нижегородскому Благовещенскому монастырю на земли в Лыскове и Курмыше. Это восточная окраина бывшего Нижегородского княжества. Грамота была выдана в Москве 20 февраля 6931 г.²⁰ Имея в виду сказанное выше относительно смены на Руси мартовского летосчисления на сентябрьское, грамота должна датироваться 20 февраля 1424 г. Из грамоты следует, что в указанное время великий князь Василий I владел нижегородскими селом Лысковым и городом Курмышом с его волостями, а находившийся в самом Нижнем Новгороде Благовещенский монастырь полностью признавал власть Василия I.

8 февраля 1425 г. датируется жалованная грамота Василия I суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на деревню Филипповскую в Мещерске²¹. Мещерская волость располагалась в западной части нижегородских земель. Очевидно, что и они находились под контролем Василия I. Ему же принадлежал в то время и Суздаль.

Любопытное свидетельство сохранил список Царского Софийской I летописи (свод 1508 г.). Говоря о смерти Василия I и вокняжении его преемника Василия II, летописец записал: «князь Василей Васильевичъ съде на великомъ княжении Володимерьскомъ и Московьском и Новгородскимъ Нижнемъ»²². Не остается сомнений, что Василий I сохранял Нижний Новгород за собой до конца своих дней. Этой ситуации и соответствует его завещание III. Текст же завещания II такой ситуации противоречит.

Относительная чередность двух последних завещаний Василия I помогает выяснить реальное время их составления.

О грамоте № 15 известно, что ее в 6931 г. отправили в Литву вместе с дьяком Алексеем Строиловым, тем самым, кто грамоту № 15 и писал. Об этом свидетельствует приведенная выше запись на грамоте № 16, где указана дата отправления грамоты: «в [л]ѣто 30 первое, з середохрестъа». По современному летосчислению «средокрестъе» (начало крестопоклонной недели) 6931 г. (безразлично — мартовского или сентябрьского) приходилось на 8 марта

¹⁹ Анализируя хронологию Новгородской первой летописи младшего извода, представленной списками 40-х годов XV в., Н. Г. Бережков отмечал, что летописец следовал мартовскому летосчислению до 6947 (1439/1440) г. включительно, а с 6948 г. перешел на сентябрьское летосчисление, описав события того же 1439/1440 г. (см.: [Бережков, с. 303]). В некоторых летописях, испытавших влияние летописания митрополита Фотия, смерть Василия I отнесена, например, к 6932 г., который может быть только мартовским (см.: ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 432; СПб., 2002. Т. XLII. С. 177; СПб., 1889. Т. XVI. Стб. 177).

²⁰ АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 296. С. 324.

²¹ АСЭИ. Т. II. № 437. С. 481. Дата документа приводится по этому изданию, хотя, на наш взгляд, нуждается в более тщательном обосновании.

²² ПСРЛ. М., 1994. Т. XXXIX. С. 142.

1423 г. Очевидно, что к тому числу беловик завещания III Василия I был уже написан. В таком случае грамота № 16 (черновик грамоты № 15) должна датироваться примерно февралем 1423 г. Судя по немалому числу ошибок в текстах грамот № 16 и № 15, работа по составлению и переписыванию завещания III Василия I шла спешно. Видимо, в великокняжеской канцелярии стремились закончить работу ко дню отъезда в Литву митрополита Фотия. В таком случае составление грамоты № 16 можно отнести и к концу февраля 1423 г.

Что касается грамоты № 13, то широкие рамки ее составления также ясны: 1420 г. (датировка печати Витовта) — февраль 1423 г. (датировка грамоты № 16). Поэтому о приводимых в научной литературе датах грамоты № 13 (завещания II Василия I): между 1421 и 1424 г. [Экземплярский, с. 140 и примеч. 406], между 1423 и 1425 г. [Клосс, с. 119], между мартом 1423 и 27 февраля 1425 г. (дата смерти Василия I) [Полехов, с. 98], вторая половина 1423 г. [Горский, 2004, с. 163, примеч. 116], 1424 г. [Греков, с. 144; Иванов, с. 90; Горский, 2004, с. 163, примеч. 116], 1424 — до 27 февраля 1425 г. [Мазуров, Никандров, с. 236] — следует забыть.

Сузить же хронологические рамки 1420 — февраль 1423 г. пытались многие исследователи. Еще в 1918 г. А. Е. Пресняков обращал внимание на упоминание среди гарантов двух последних завещаний Василия I сыновей Владимира Серпуховского, которым «приказывались» жена и дети Василия I: «кназю Семену Вол[о]димерович(ю), и кназю Ярославу Володимерович(ю), и ихъ братьѣ по ихъ докон[ча]нью, как ми рекли» (грамота № 13); «кназю Семену Володимерович(ю) и кназ(ю) Ярославу Володимерович(ю), и ихъ братьѣ по ихъ док(о)нчанью, как ми ркли» (грамота № 15). Выясняется, что до написания своего второго завещания великий князь Василий I договорился со всеми своими троюродными братьями, сыновьями Владимира Серпуховского, о поддержке в будущем своей семьи. Первым из этих троюродных братьев назван не старший сын князя Владимира Иван, а второй по времени рождения сын Владимира Семен. Отсутствие имени Ивана Владимировича могло объясняться его тяжелой болезнью или даже кончиной. В последнем случае грамота № 13 должна была быть написана после его смерти. А. Е. Пресняков отмечал, что «смерть кн. Ивана отнесена в некоторых родословных к 1422 году... но рискованно опираться на их данные, особенно хронологические» [Пресняков, с. 351, примеч. 1]. Под «родословными» исследователь понимал работы по княжеским родословным, написанные в XIX в. И. П. Сахаровым и П. Н. Петровым.

В 1998 г. Б. М. Клосс, основываясь на приведенных выше текстах о серпуховских князьях, стал утверждать, что оба последних завещания Василия I не могли быть составлены ранее 1421 г., поскольку названный в них князь Ярослав Владимирович вернулся в Москву из Литвы, куда он уехал в 1415 г., только в 1421 г. [Клосс, с. 119]. Несмотря на возражение, что внесение в великокняжеское завещание того или иного лица вовсе не означает присутствия такого лица в том месте, где составлялось завещание [Кучкин, 2003, с. 129] (например, литовский великий князь Витовт в последних завещаниях Василия I фигурирует, но в Москву не приезжал [Кучкин, 2003, с. 123]), мысль Б. М. Клосса показалась вполне резонной Д. И. Иванову и особенно А. Б. Мазурову и А. Ю. Никандрову²³. Последние расценили факт возвращения из Литвы на Русь князя Ярослава Владимировича в 1421 г. как некий *terminus post quem*, ранее которого завещание II (впрочем, и завещание III) не могло быть составлено. Далее последовало

²³ Заочные договоренности древнерусских князей известны с X в. Но особенно частыми такие договоренности становятся в XII в., когда после 1054 г. распалось Древнерусское государство и его сменили сначала 5, а затем еще большее число самостоятельных княжеств. В 1146 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, узнав о готовившемся на него нападении суздальского князя Юрия Долгорукого, «послался... подемь к Ростиславу Ярославичю оу Рязань». Рязанский князь пошел войной на Суздальское княжество, и Юрию Долгорукому пришлось отложить свой поход (см.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 332). В 1152 г. Юрий Долгорукий, готовя очередное выступление против Изяслава Мстиславича, послал за помощью «къ Ярославичем в Рязань», и «Ярославичь Ростиславъ с братьею и с рязанци и с муромци поидоша съ Горемь» (см.: Там же. Стб. 453). Удивительно, что такие и подобные им факты не известны вышеуказанным авторам.

утверждение, будто оба завещания написаны после смерти 7 октября 1422 г. князя Ивана Владимировича, что отвергал А. Е. Пресняков. Мнение этого исследователя оба автора не учли, то ли не будучи знакомы с ним, то ли не найдя аргументов, опровергающих такое мнение. Но в отличие от А. Е. Преснякова А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров сослались не на труды И. П. Сахарова и П. Н. Петрова, содержавшие дату смерти князя Ивана, а на надпись на могильной плите этого князя в Архангельском соборе Московского Кремля — 7 октября 1422 г. В итоге получалось, что более раннее из двух последних завещаний Василия I могло быть написано в период между 8 октября 1422 и концом февраля 1423 г.

Однако построения А. Б. Мазурова и А. Ю. Никандрова отличаются недостаточной продуманностью и взвешенностью выводов. В самом деле, как можно увязывать приезд одного из серпуховских князей с началом составления второго завещания Василия I? Князь Ярослав приехал из Литвы в Москву в 1421 г., а завещание было написано, как утверждают сами авторы, не ранее 8 октября 1422 г. Зачем же надо было появляться в Москве сыну Владимира Серпуховского за год с лишним до составления душевной грамоты московского великого князя?

Запись на надгробной плите с датой смерти князя Ивана Владимировича авторами не приводится, нет и характеристики самой плиты. Иными словами, анализ достоверности используемых источников у А. Б. Мазурова и А. Ю. Никандрова отсутствует. Между тем плита над могилой князя Ивана Владимировича была положена только в XVI в. Имеющаяся на ней надпись: «В лѣто 6931 октября в 7 престависи благовѣрнии князь Иван Владимирович Донского», также обнаруживает свое позднее происхождение. Владимир Серпуховский назван в ней Донским, чего в 6930-е годы в источниках не фиксируется. Надгробная плита над его могилой в том же Архангельском соборе Московского Кремля имеет запись о смерти Владимира, названного Донским, 12 августа 6918 г. На самом деле этот князь умер 14 мая 6918 г.²⁴ Отсюда достоверность точных дат княжеских смертей в записях на надгробных плитах Владимира Серпуховского и его детей оказывается под сильным сомнением.

В рассмотрении нуждается и указание на 6931 год как на год смерти князя Ивана Владимировича. Если это год мартовский, как, например, год 6918 в записи на плите его отца, то смерть князя Ивана должна датироваться 7 октября 1423 г. Однако такая дата противоречит тому, что грамота № 15, где имени Ивана Владимировича уже нет, была отправлена в Литву за полгода до объявленной смерти Ивана — 8 марта 1423 г. Следовательно, год 6931 в записи на могильной плите может быть только сентябрьским. Но сентябрьское летосчисление, как уже говорилось, распространяется в русских землях лишь с конца 30-х годов XV в. И приходится признавать, что дата 6931 появляется поздно и источник ее неясен.

Тем не менее предположим, что предлагаемое А. Б. Мазуровым и А. Ю. Никандровым время написания второго завещания Василия I — после 7 октября 1422 г. — верно. В таком случае можно констатировать, что при самом раннем создании этой грамоты — 8 октября 1422 г. и до появления завещания III Василия I, допустим, 28 февраля 1423 г., прошло 4 месяца и 24 дня. За этот максимально возможный срок, как показало приведенное выше сравнение грамоты № 13 с грамотой № 15, в московской канцелярии Василия I сменился оформитель великокняжеских завещаний. Вместо дьяка Тимофея Ачкасова им стал дьяк Алексей Стромилов. В то же самое время великий князь сумел утратить в Устюге приобретенные им Тутолминские деревни. Променил ли он их на остатки Головинских деревень, продал или отдал во временное владение одному из своих бояр или слуг — неизвестно. Но их у него не стало. Зато в Переяславле великая княгиня Софья Витовтовна сделала прикупы и примыслы, которых раньше у нее никогда не было и которые отмечены в грамоте № 15, но не указаны в грамоте № 13. Наконец, за 4 осенне-

²⁴ ПСРЛ. М., 2001. Т. VI. Вып. 2. Стб. 36.

зимних месяца и еще 24 дня наследник Василия княжич Василий Васильевич сумел возмужать настолько, что ему были переданы права на конские стада, которыми раньше распорядилась его мать. Думается, подобная стремительность событий, вытекающая из того предположения, что одно из последних завещаний Василия I относится ко времени после 7 октября 1422 г., не может быть признана реальной. Отсутствие имени князя Ивана Владимировича в завещаниях, где наследником великого князя Василия I объявлялся его сын Василий, следует объяснять иными причинами.

Жизнь Ивана, старшего сына Владимира Серпуховского, известна очень плохо. Он родился весной 1381 г.²⁵ Последнее упоминание князя Ивана Владимировича в русских летописях относится к 1401 г.²⁶, а в документах — в завещании отца Ивана князя Владимира Серпуховского, составленном до 14 мая 1410 г.²⁷ После этого года сведения о жизни Ивана Владимировича в источниках отсутствуют. В начале 1415 г. имели место военные действия, в которых принимали участие сыновья Владимира Серпуховского. Однако среди них не было его старшего сына Ивана²⁸. Приведенные факты наводят на мысль, что первенец Владимира Серпуховского не был человеком деятельным, а был, скорее всего, человеком недееспособным. Потому его имя и не включали после 1410 г. в княжеские завещания и в договорные грамоты. Видимо, для уточнения времени появления завещания II Василия I нужно исходить из других данных.

Текст грамоты № 13 свидетельствует о том, что он составлялся тогда, когда между литовским великим князем Витовтом и Василием I сложились хорошие отношения. В перечне дорогих предметов казны Василия I, которые должны были отойти к Василию II, указаны подарки Витовта и польского короля. Великий князь Витовт назван первым среди гарантов завещания московского великого князя. Дальнейшим развитием таких отношений была бы договоренность о взаимной военной помощи в случае конфликтов с третьими странами. С этой точки зрения показательно, что в начале 20-х годов XV в. Москва действительно оказала военную помощь Витовту. Псковская летопись сохранила сообщение о том, как Витовт, собрав литовцев, москвичей, тверичей и многих других, «иде на Пруссы и взя град Голубь». Замок Голуба был крепостью Тевтонского ордена на границе с Польшей²⁹. Летопись датирует поход Витовта 6930 г., после 1 апреля³⁰. По-видимому, это был летний поход, поскольку Витовт «воева землю их 3 месяца». В таком случае военные действия должны датироваться 1422 г. Сбор московских войск, выступление в поход и путь до далекой цели должны были занять примерно два месяца. Если лето наступало в июне, то договоренность о походе самое позднее должна датироваться апрелем 1422 г., а хорошие отношения с Литвой предшествовать этой договоренности. Документы Тевтонского ордена сохранили сообщение от 2 января 1422 г. о планируемой встрече Витовта и польского короля с московским великим князем³¹. Принимая во внимание приведенные данные, время написания завещания II Василия I может быть ограничено весной 1422 г.

Имеются, однако, и другие свидетельства источников, которые позволяют уточнить время составления завещания II великого князя Василия I еще больше. Под 6929 г. московские летописи отмечают, что «князь Костянтинъ прииде изъ Новагорода на Москву, а князь Ярославъ приѣха

²⁵ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 131.

²⁶ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел I. Указатель лиц. СПб., 1898. С. 425.

²⁷ ДДГ. № 17. О дате смерти Владимира Серпуховского см. выше, примеч. 24.

²⁸ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 487, статья 6922 г.

²⁹ Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Издание подготовила В. И. Матузова. М., 1997. С. 159, 321.

³⁰ Псковские летописи. М., 1955. Вып. II. С. 39.

³¹ Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch. Bd. 5 (1414–1423) / Hrsg. von F. G. von Bunge. Riga, 1867. Nr. 2576. Sp. 790 (указано С. В. Полеховым).

изъ Литвы»³². Процитированное сообщение помещено между летописными описаниями событий 19 мая и 15 июня. Но едва ли приезд родного брата Василия I Константина Дмитриевича и его троюродного брата Ярослава Владимировича в Москву можно датировать последней декадой мая — первой половиной июня и считать их приезд одновременным. Новгородская летопись о выезде князя Константина из Новгорода Великого говорит в первом известии статьи 6929 г., до рассказа о происшествии 19 мая³³. Видимо, Константин приехал в Москву примерно в апреле 6929 г. А поскольку этот год был мартовским [Бережков, с. 301], можно утверждать, что уже весной 1421 г. Константин находился в Москве. Ярослав, по всей вероятности, приехал несколько позже. А раньше их в Москве появился князь Семен, который привез великому князю Василию I в подарок каменное судно от Витовта. Дружественные отношения между Москвой и Вильной были восстановлены в 1420 г. после смерти митрополита Цамблака, когда Витовт признал главенство московского митрополита Фотия над западными епархиями митрополии Киевской и всея Руси. В феврале 1420 г. в Москву было направлено полномочное литовское посольство во главе с виленским воеводой Альбертом Монивидом [Иванов, с. 83]. Что касается упомянутого выше князя Семена, то в свое время А. Е. Пресняков предлагал видеть в нем, хотя и со знаком вопроса, князя Семена-Лугвения Ольгердовича, зятя Дмитрия Донского [Пресняков, с. 351, примеч. 1]. Однако князь Семен-Лугвений покинул русские пределы в самом начале 1413 г. и больше в них не появлялся³⁴. Очевидно, что речь должна идти о князе Семене, сыне Владимира Серпуховского. Последние завещания Василия I свидетельствуют о пребывании этого князя в Литве.

Также в Литве находился и родной брат Семена Ярослав. Он «отъеха» туда зимой в начале 1415 г.³⁵ Но отъехал не из московских земель, а из Орды³⁶. Посещение Ярославом Орды и его отъезд в Литву свидетельствуют о том, что у него возникли распри с московским великим князем. Причины распрей были выявлены А. А. Горским. Он основывался на заключении А. Н. Насонова, согласно которому в результате нашествия Едигея на русские земли в 1408 г. серпуховской князь Владимир Андреевич был лишен татарами нижегородского Городца [Насонов, с. 143]. Городец был получен Владимиром Серпуховским по договору 1402—1404 г. с Василием I. После нападения Едигея в Городец стали властвовать нижегородские князья. Владимир же Серпуховский в своем завещании из всех своих сыновей наделял Городцом только Семена и Ярослава. Когда по прошествии нескольких лет Городец снова стал московским, Василий I не вернул его детям Владимира Серпуховского. Это и вызвало их недовольство. А. А. Горский подкрепил свое мнение ссылкой на четвертый договор Василия II с внуком Владимира князем Василием Ярославичем, где Городец был назван не отчиной, а дединой Василия потому, что отец Василия Ярослав Городцом не владел [Горский, 2004, с. 155—156, примеч. 78 (в статье примеч. 78 и 79 следует поменять местами)]. Наблюдение А. А. Горского может быть подкреплено еще одним фактом. В случае потери Городца статья 11 договора 1402—1404 г. предусматривала компенсацию серпуховскому князю в виде вологодской волости Тошны. Именно Тошна как владение сыновей Владимира Серпуховского названа в статье 17 двух последних завещаний Василия I. Следовательно, к 1420 г. Владимировичи Городцом не владели. В то же время завещания II и III Василия I предусматривали возможность обмена

³² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 166. Тот же текст в Московском своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л. 1949. С. 245), Софийской II летописи (ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М. 2000. Стб. 49), московских сводах 1497 и 1518 г. (ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. XXVIII. С. 95 и 261).

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакций и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 413.

³⁴ Там же. С. 403—404.

³⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 241.

³⁶ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. XVII. Стб. 55.

Тошны у серпуховских Владимировичей: «А Тошну оже вымѣнить с(ы)нѣ мои, князь Василей, оу княжихъ дѣтеи оу Володимеровыхъ, по докончалной нашей грамотѣ съ ихъ отцемъ, ино Тошна княгинѣ же моеи». Эквивалентом Тошне «докончалная наша грамота» называла Городец, а им располагал Василий I и намеревался завещать его Василию II.

Выясняется, что к Нижегородскому княжеству имел отношение и третий приехавший в 1421 г. в Москву князь — Константин Дмитриевич. Говоря об отъезде этого князя из Новгорода Великого в столицу Даниловичей, местный летописец снабдил приведенное им сообщение развернутым комментарием: «А про то был в Новѣгородѣ, занеже брат его князь великий Василии хотѣлъ его в челование привести под своего сына Василья; и онѣ не хотя быти под своимъ братаничем, и князь Василии возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину, и боярѣ его поима и села и животы их отъима»³⁷. В более раннем известии московского свода о конфликте между братьями-Дмитриевичами говорится по сути дела то же самое: в 1419 г. «князь великий Василей Дмитриевичъ въсхотѣ подписати подѣ сына своего Василя брата своего меншаго Костянтина, князь же Костянтинѣ не всхотѣ створити воли его, и про то отня у него отчину; онѣ же иде въ Новѣгородѣ, и приаша его Новгородци съ честью, и подаваша ему пригороды, которыи были за Лугвенемъ»³⁸. Итак, становится очевидным, что между старшим сыном Дмитрия Донского Василием I и младшим сыном Дмитрия Донского Константином произошла крупная ссора: великий князь захотел поставить над Константином своего сына Василя, но Константин отказался быть под малолетним племянником, за что Василий I лишил его «отчины», арестовал его бояр, отнял у них села и имущество. Константин отправился в Новгород, где был тепло принят и получил в правление города, которые новгородцы в свое время давали литовскому князю Лугвению — мужу сестры Константина. Новгородская летопись датирует приезд Константина Дмитриевича в Новгород 25 февраля 1420 г.³⁹ Такая дата подтверждает, что острый междукняжеский конфликт, предшествовавший приезду князя Константина в Новгород Великий, имел место в 1419 г., как о том и говорит московская летопись. Однако и московская, и новгородская летописи молчат относительно того, почему вдруг Василий I решил «подписати подѣ сына своего Василя», которому было всего 4 года, своего 30-летнего младшего брата и что это за «отчина», которую Василий отнял у Константина. Молчат об этом и историки, ограниченные в своих исследовательских возможностях летописными показаниями. Однако определенные свидетельства находятся, правда, не в летописях, а в другом источнике.

До сих пор историки не обращали внимания на один литературный памятник, опубликованный еще в 1915 г. А. И. Соболевским. Это незатейливый рассказ о том, как некий нижегородец Григорий Авксентьев, утонувший было в Волге, чудесным образом выбрался на берег. Произошло это 20 июля 1418 г.⁴⁰ Рассказ о счастливом спасении Григория Авксентьева широко распространился среди жителей Нижнего Новгорода. Малое время спустя после случившегося в городе появился князь Константин Дмитриевич⁴¹. Авксентьев и ему рассказал о своем приключении. Князь слушал и удивлялся. Из повествования о Григории Авксентьеве делается понятным, что не случай с ним привел в Нижний Новгород князя Константина Дмитриевича. Что же заставило этого князя приехать в столицу главного примысла своего старшего брата?

Константин Дмитриевич появился в Нижнем Новгороде в тот самый 1418 год, когда весной «съ Москвы отъ великаго князя Василя Дмитриевича» бежали нижегородские князья братья Даниил и Иван Борисовичи⁴². Бежали они, по всей вероятности, в Орду.

³⁷ НПЛ. С. 412.

³⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 165.

³⁹ НПЛ. С. 412.

⁴⁰ Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС. Пг., 1915. Т. XX. Кн. I. С. 278.

⁴¹ Там же. С. 283.

⁴² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 165.

Там наступали большие перемены. В 1417 г. не всегда всеильный, но всегда влиятельный темник Едигей вновь начал борьбу за фактическую власть в Ордынском государстве. На сей раз его кандидатом на ханский стол и номинальную власть в стране стал Дервиш-хан, сын Кююрчака, одного из ордынских ханов. В 820 г. х. (18 февраля 1417 — 7 февраля 1418 г.) он начал чеканить свою монету в г. Сарайчуке на р. Яик (соврем. Урал), но уже в 821 г. х. (8 февраля 1418 — 27 января 1419 г.) — в Сарае, Астрахани и Дербенте [Сафаргалиев, с. 192]. Захват крупных низовских городов на Волге Едигеем и бегство к нему двух нижегородских князей делали вполне вероятным нападение осаждавшего в 1408 г. Москву Едигея на русские земли, особенно на Нижний Новгород, где некоторое время княжил Даниил Борисович. Приезд князя Константина Дмитриевича на исходе лета 1418 г. в Нижний Новгород был связан с обороной этого центра от возможных нападений Орды. Косвенным подтверждением такого заключения является упоминание в Нижнем Новгороде в канун приезда Константина многих князей⁴³, скорее всего, возглавлявших свои полки. Поскольку Нижний Новгород являлся основным примыслом Василия I, организатором его обороны был московский великий князь.

Участие Константина Дмитриевича в военных мероприятиях своего старшего брата означало, что последний должен был или оплатить помощь Константина, или вознаградить его за эту помощь какими-то владениями. Судя по приведенным выше летописным описаниям ссоры Константина с Василием, имело место последнее. По логике событий Константину должны были быть выделены земли в том регионе, который он собирался защищать, то есть в бывшем Нижегородском княжестве.

Через несколько месяцев после приезда Константина Дмитриевича в Нижний Новгород выяснилось, что никакого ордынского нападения на нижегородские земли ждать не следует. Зато вместо войны с Ордой последовала жестокая распря между родными братьями Василием и Константином. Рассерженный великий князь за отказ брата быть подписанным под племянником Василием Васильевичем отнял у Константина «отчину» и ограбил его бояр.

Этот поступок Василия I многими историками, начиная с Н. М. Карамзина, трактовался и трактуется как реакция великокняжеской власти на намерение князя Константина бороться за великокняжеский стол. Однако такого намерения Константин никогда не проявлял. Статья 32 завещания 1389 г. Дмитрия Донского предусматривала переход великокняжеского стола от одного сына Дмитрия Донского к другому, и в этом ряду искателей высокого места Константин оставался последним. К тому же у такого явного претендента на преемство власти Василия I, как его брат Юрий, его владения никогда не отбирались. Василий I ограничивался многозначительным пропуском имени Юрия в своих завещательных грамотах. У Константина же была отнята «отчина». Характерно, однако, что эта «отчина» не названа в ранних летописях «его», то есть Константина.

Следует напомнить, что, в отличие от братьев, своего удела у Константина не было. Он родился за 4 дня до смерти отца, и Дмитрий Донской уже не успевал вписать в завещание маленького сына. Константина должна была обеспечить мать, дав во владение земли, выделенные из уделов старших сыновей. На практике это вылилось в наделение Константина землями из владений великого князя Василия. Как было показано выше, согласно первому завещанию Василия I Константин владел Устюжной и Тошной. По более позднему завещанию II Тошна была уже в руках серпуховских Владимировичей. Даже одного этого факта достаточно для утверждения, что права Константина на переданные ему земли были ограничены. Великий князь мог менять состав этих земель. В отношении других московских уделов он так не поступал. Эти уделы были выделены братьям великого князя их отцом, и Василий I не смел нарушать воли отца. Иначе братья начали бы отторгать владения у него самого.

⁴³ Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. С. 283.

Имея в виду обрисованное положение Константина, можно достаточно твердо полагать, что он в 1418 г. получил от великого князя какую-то часть бывшего Нижегородского княжества за военную помощь в организации обороны против возможного ордынского нападения. Когда такое нападение не состоялось, Василий I решил оставить за братом выделенные ему земли, но заключить с ним договор, согласно которому верховные права на всю нижегородскую территорию сохранялись бы за сыном великого князя Василием Васильевичем. По-видимому, такой договор в определенной степени копировал условия более раннего договора Василия I с братом Юрием, которому передавалась другая часть Нижегородского княжества — Вятка⁴⁴. Однако «подписание под братанича» означало для Константина резкое сужение его владельческих прав на полученную «отчину», возможно, отсутствие права передавать ее по наследству, и Константин в 1419 г. отказался от великокняжеских предложений. Он хотел иметь удел на тех же условиях, что и его старшие братья. Но великий князь Василий I не хотел выпускать из своих рук даже части своего главного примысла — Нижегородского княжества. В итоге братья рассорились, и Константин отъехал в Новгород Великий. Возвращение его в Москву к лету 1421 г. означало изменение позиций Василия I, собравшего к указанному времени всех своих родственников, имевших то или иное отношение к нижегородским землям. Поскольку статья 18 завещания II оставляла вопрос о владельческой судьбе Нижегородского княжества в значительной степени открытым, присутствие в Москве летом 1421 г. приехавших из Литвы и Новгорода Великого трех родственников Василия I следует расценивать как попытку договориться с ними о нижегородских владениях. В таком случае составление завещания II Василия I надо относить ко второй половине 1420 — началу 1421 г. Появление же в нем статьи 18 нужно связывать не с попытками нижегородских князей восстановить свою власть в перешедшем под московскую руку еще в 1392 г. Нижегородском княжестве (в период 1420 — 8 марта 1423 г., когда были составлены последние завещания Василия I, источники не содержат никаких сведений о его столкновениях с нижегородскими князьями), а с борьбой внутри самих московских Даниловичей за обладание различными частями бывшего Нижегородского княжества.

Однако найти компромисс с родным и двумя троюродными братьями, как и в 1414—1418 г. со старшими нижегородскими князьями, Василию I не удалось. Он стремился к удержанию Нижегородского княжества в своих руках и в завещании III передавал его только своему сыну Василию. Ни сыновья Владимира Серпуховского, ни Константин Дмитриевич владений в этом княжестве не получили [Горский, 2004, с. 169—170]. Разрыв с Константином четко обозначен в завещании III, где Василий I вычеркнул имя брата из числа гарантов своего тестаменты.

Повторный конфликт с Константином означал, что оппозиция политике московского великого князя приобрела еще одного сторонника. Союз Константина Дмитриевича с братом Юрием Дмитриевичем становился делом предрешенным⁴⁵.

Недовольны Василием I были и серпуховские князья. Поэтому с ними стал искать сближения главный претендент на великокняжеский стол — звенигородский и галичский князь Юрий Дмитриевич. 5 июля 1422 г. в Троице-Сергиевом монастыре состоялось обретение мощей основателя монастыря Сергия Радонежского. На торжество прибыли многие князья, старшим из которых был Юрий Дмитриевич. Но великого князя Василия I и митрополита Фотия на праздновании не было. Собравшимися было решено строить новый монастырский собор св. Троицы, причем впервые — из камня. Средства на его строительство давал князь Юрий Дмитриевич [Клосс, с. 280, 418—419]. Территориально Троице-Сергиев монастырь находился

⁴⁴ ДДГ. № 23. С. 64.

⁴⁵ Согласно данным 1428 г., князь Константин Дмитриевич владел некоторыми звенигородскими волостями (см.: ДДГ. № 24. С. 64). Звенигород в то время принадлежал князю Юрию Дмитриевичу.

в московской волости Радонеж. Владел этой волостью и монастырем князь Андрей (младший), сын Владимира Серпуховского⁴⁶.

Консолидация родственников-оппозиционеров вызывала серьезные опасения Василия I. Она усиливала угрозу потери великокняжеского стола для сына Василия I малолетнего Василия Васильевича. И Василий I решается на необычный шаг. Он составляет третье завещание, но адресует его по существу только «брату и тестю» — обладавшему большим экономическим, военным и политическим потенциалом литовскому великому князю Витовту. Витовт — единственный князь, скрепивший завещание III своей печатью, — становится главным гарантом этого завещания. И после смерти Василия I данное обстоятельство не позволяет противникам нового великого князя Василия II начать с ним масштабную борьбу за стол великого княжения. Этот стол *de facto* оставался в его руках. Но отнюдь не *de jure*. Ввиду внутренней оппозиции отец Василия II великий князь Василий Дмитриевич вынужден был в своем последнем завещании лишь выразить пожелание о владении сыном великим княжением.оборот «А дасть богъ с(ы)ну моему великое княженъ», которым начиналась статья 13 третьего завещания Василия I, своей неопределенностью превосходил даже оборот о судьбах великого княжения статьи 12 первой душевной грамоты Василия I 1406—1407 г.: «А дасть богъ с(ы)ну моему, князю Ивану, княжен(ь)е великое держати...», где термин «держати» подразумевал единоличное управление великим княжением и право распоряжения его территорией. Впрочем, юридического обоснования прав Василия II на владение великим княжением не было ни в первом, ни в третьем завещаниях Василия I. Оно было только во втором тестamente этого князя — обладание по праву преемства от деда и отца. Но завещание 1389 г. деда такое преемство отвергало. Великокняжеская власть после смерти Василия I должна была перейти не к внуку, а к родному дяде этого внука. Под давлением родственников Василий I вынужден был признать обязательность предписаний статьи 32 завещания 1389 г. Дмитрия Донского и внести поправки о судьбе великого княжения в свое третье завещание. Однако завещание III Василия I с такими изменениями не было скреплено печатью этого князя. Не свидетельствует ли это о том, что завещатель не желал признавать *de jure* отсутствие прав своего сына Василия на великое княжение?

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Богданов С. В. О формировании состава поручителей в духовных грамотах великого князя Василия I // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «История». 2013. Вып. 3. С. 3—25.
- Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. IV. С. 110—170.
- Горский А. А. Москва и Орда. М., 2016.
- Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 141—145.
- Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VIII. С. 275—324.
- Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 79—115.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. V.
- Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
- Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 112—130.
- Кучкин В. А. Московские Рюриковичи. Генеалогия и демография // Исторический вестник. М., 2013. Т. IV. С. 6—73.
- Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

⁴⁶ ДДГ. № 17. С. 46.

Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.

Полехов С. В. Последнее завещание Василия I и политическая ситуация в Восточной Европе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 97–98.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2.

Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II.